
Русский Аристотель: герменевтика перевода и понимание насилия

© 2019 г. С.Н. Борисов

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85.*

E-mail: borisov_sn@bsu.edu.ru

Поступила 21.03.2019

Статья посвящена трактовке «силы» и «насилия» в контексте русской традиции перевода и интерпретации Аристотеля. Русское прочтение Аристотеля, в которое внес свой вклад В.В. Розанов после издания «О понимании», до сих пор не оценено по достоинству. Автор статьи стремится восстановить традицию. Концепт «насилие» странно вписывался и вписывается в общефилософский категориальный ряд. Проблема разрешается в обращении к понятию «сила», которое оказывается потерянным в современной философии. Исключения составляют работы, в которых мы находим «следы» этого понятия. Среди них оказываются работы Аристотеля, которые нуждаются в освобождении от модернизаторских толкований. Однако в переводах Аристотеля греческое δύναμις, используемое для традиционной передачи категории возможность, утратило коннотации силы (движения, способности, функции); в свою очередь, «сила» потеряла связь с «насилием» (βία) и «необходимостью». Насилие понимается как такого рода необходимость, которая связана с подавлением «собственного решения», свободы, нечто «препятствующее желанию» и противоречащее «здравому размышлению», а также отсутствие «блага». Насилие предстает не только в онтологическом смысле, но также экзистенциально, как обратное «благу» и собственному «желанию». Сила остается в тени «необходимости» как «возможности», «потенциальной энергии» и «движения», а насилие теряет возникшую оппозицию в онтологическом модусе.

Ключевые слова: герменевтика, возможность, сила, мощь, действие, насилие, Аристотель, В.В. Розанов.

DOI: 10.31857/S004287440007160-1

Цитирование: *Борисов С.Н.* Русский Аристотель: герменевтика перевода и понимание насилия // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 42–45.

Russian Aristotle: Hermeneutics of Translation and Understanding of Violence

© 2019 г. Sergey N. Borisov

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russian Federation.

E-mail: borisov_sn@bsu.edu.ru

Received 21.03.2019

The philosophical definition of violence today is «incomplete» and leaves a «gap» between the phenomenon and the concept. This is due to the fact that the concept of «violence» was/is strangely included in the general philosophical categorial line. In domestic and Western discourse, the problem field of violence contains, above all, political and ethical meanings. The problem is intuitively resolved in its appeal to the concept of «power», which turns out to be philosophically lost in modern philosophy. The exceptions are the works in which we find «traces» of this concept. Among them, there are the works of Aristotle which need to be freed from modern distorting interpretations. Thus, in the translations of Aristotle, the Greek δύναμις, used for the traditional transferring the category of possibility, lost its meaning of force (movement, ability, function); in its turn, «force» lost relation to «violence» (βία) and «necessity». Violence is understood as such a kind of necessity, which is associated with the suppression of the «own decision», freedom, something that «prevents desire» and contrary to «common thinking», as well as the absence of «good». Violence is presented not only in an ontological sense, but also existentially, as the opposite of «good» and of one's own «desire». The force remains in the shadow of «necessity» as «possibility», «potential energy» and «movement», and violence loses the opposition that has arisen in an ontological mode.

Key words: hermeneutics, possibility, force, power, action, violence, Aristotle, V.V. Rozanov.

DOI: 10.31857/S004287440007160-1

Citation: *Borisov, Sergey N.* (2019) 'Russian Aristotle: Hermeneutics of Translation and Understanding of Violence', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 42–45.

В письме к Н.Н. Страхову от 15 февраля 1988 г. В.В. Розанов пишет: «Вот уже года 2, присматриваясь к разным сочинениям <...> я все больше и больше приходил к убеждению, пожалуй, к догадке, что корень дела, ключ к разрешению множества вопросов, которые для меня – или разрешить, или не жить, лежит у Аристотеля» [Розанов 2001, 153]. Н.Н. Страхов в переписке несколько скептически отнесся к русской актуальности и злободневности Аристотеля, хотя розановский перевод воспринял в качестве некоторого культурного акта, пытаясь оказать помощь в его публикации. И, тем не менее, уже в примечании 1913 г. к письму Н.Н. Страхова, как бы продолжая спор, В.В. Розанов отмечает: «И до сих пор я думаю, что Аристотель – никем не заменим» [Розанов 2001, 9].

Здесь же содержится весьма примечательное мнение В.В. Розанова о месте «динамис» и «энергия» в категориальном ряду Аристотеля: «...понятия δύναμις и ἐνέργεια в своих латинских терминах *potentia* и *actus* (я только *actus* не очень понимаю; в своем сочинении я всегда говорил о потенц. и действительности; верно он соответствует у меня “образующемуся существованию”, но мы до этого в “Мет.” не дошли) служат ключом к пониманию самых сложных и глубоких систем философии. В них, как в таинственных символах, выражена целая система мысли и стало понятно то-то и то-то (главное – изменение)...» [Розанов 2001, 154]. И в следующем письме о переводе и

интерпретации Аристотеля продолжает свою мысль: «Я хочу ознакомиться с ним для того, чтобы ознакомиться с его понятиями *о потенциальности* (это самое главное), которые он первый ввел в философию и уже, вероятно, хорошо разработал» [Розанов 2001, 160]. Никто до сих пор по-настоящему не оценил эту розановскую «герменевтику» «Метафизики» Аристотеля, хотя она очень важна, в том числе, для понимания античных смыслов феномена насилия.

Обращение к категоризации насилия у Аристотеля, на мой взгляд, следует начинать с прочтения работ «Физика» [Аристотель 1981^в], «О небе» [Аристотель, 1981^б] и «Метафизика» [Аристотель, 1981^а], которые в таком ракурсе почти никем не прочитывались [Борисов, Римский 2015]. Новые переводы Аристотеля сводят флексивность древнегреческого языка к модернизаторской аналитичности [Аристотель 2018]. Так, к примеру, А.В. Марков сознательно ограничивает смыслы аристотелевских *δύναμις* и *ἐνέργεια*, как и других категорий [Марков 2018, 8]. Между тем, греческое *δύναμις* (*dynamis*), используемое для традиционной передачи аристотелевской трактовки категории *возможность*, также содержит и коннотации *силы* (движения, способности, функции); в свою очередь, «сила» как «насилие» (*bia*) связана с категорией *необходимости*.

В «Физике» находим такую первичную категориальную диспозицию и связь *δύναμις* как *силы* с *движением* [Аристотель 1981^в, 123–124, 219–220, и др.]. Обращение к трактатам «О небе» и «Метафизика» позволяет расширить аристотелевские коннотации *δύναμις* не только как «возможности», но и как «силы», а в интерпретации *ἐνέργεια* уйти от ее понимания как «действительности», связав и с «действием», и с «необходимостью», и с «насилием». В трактате «О небе» Аристотель, критикуя пифагорейскую «струнную теорию», делает вывод, что ни одна из «звезд» «не движется ни как животное, ни *насильственно*, “по принуждению” (выделено нами – авт.)» [Аристотель 1981^б, II, 9, 291а, 2–7; II, 14, 296 б, 25–30]. Сила и насилие здесь проговариваются в неразрывной связи с «природностью» или, по-русски, «естественностью», а также «необходимостью».

Но какие значения Аристотель вкладывает в «насилие» и «насильственное движение»? Движение «как животное», очевидно, предполагает некую «органичность», «самодвижение», а вот «насильственность» – «противоестественность» и «принуждение» [Аристотель 1981^б, II, 14, 300а, 20–30; 300б, 5–7]. Русское «естественное» несет смыслы «существования», «бытия», «того, что *есть*», соответственно, «противоестественное» обратное – «то, что *не-есть*», не-существующее, что явно выводит нас на негативные атрибуты насилия, на его принадлежность не-сущему, *небытию, уничтожению*.

В этом смысле противоестественность снова связывается с действием, смысл которого раскрывается при интерпретации [Аристотель 1981^а, V, 5, 1015а, 20–34; 1015б, 1–8]. Насилие понимается здесь как такого рода необходимость, которая связана с подавлением свободы, как нечто «препятствующее желанию» и противоречащее «здравому размышлению», а также – связанное с отсутствием «блага». Насилие предстает не только как «необходимость» в онтологическом смысле, но также экзистенциально – «необходимость» выступает как роковое и неотвратимое, как богиня Судьбы или сама Судьба. Далее Аристотель рассматривает «претерпевание» в связи со «способностью» или «возможностью» (*dynamis*), как «нехватку», «лишенность» и отсутствие «способности». Непонятно, почему здесь переводчик предпочел перевести *dynamis* как «возможность», а не как «сила»? Сила остается в тени «необходимости» как «возможности», «потенциальной энергии» и «движения», а насилие теряет возникшую оппозицию в модусе онтологическом.

Если мы обратимся к «Метафизике» в переводе П.Д. Перлова и В.В. Розанова [Аристотель 2006] и сравним, то и здесь мы увидим продолжение уже выявленного нами ранее [Аристотель 1981^а, V, 12, 1019 б, 5–20]: употребляемые концепты «разрушительная сила», «лишенность способности», «отрицание» снова оказываются близкими с «насилием» как тем, что несет *не/сущее, небытие и гибель*. Снова есть некое «не-бытие», бытие минус нечто, но нет силы как характеристики бытия, необходимо даже не второго, а первого в этой категориальной паре силы – насилия.

Эти смыслы и необходимость «силы» при переходе от «возможности» к «действительности» возникают далее [Аристотель 1981^а, IX, глава 1]. Сам Аристотель отсылает к ним

[Аристотель 1981^a, V, 12], но переводчик (А.В. Кубицкий) опять не употребляет слово «сила», хотя Стагирит пишет: «В другом месте мы уже разбирали, что “возможность”, или “способность”, и “мочь” имеет различные значения» [Аристотель 1981^a, IX, 1, 1046 а, 5]. А в переводе А.В. Маркова исчезает и слово «мочь», категория возможности остается «сама с собой», или возвращается к себе как «понятие о возможном» [Аристотель 2018, IX, 1, 1046 а]. Тогда как «мочь» («мощь») по-русски и есть «сила». При таком понимании под мощью более «сильной» категории силы, становится очевидна диалектика силы и насилия, раскрывающаяся через оппозиции не/способности – способности; не/силы – силы – на/силы.

В комментарии перевода П.Д. Первова и В.В. Розанова мы находим достаточно явную отсылку к насилию через силу: «Нижеследующие значения слова “причина”, к которым Аристотель возвращается так часто и которые в схоластической философии так прекрасно были характеризованы в названиях: *causa materialis*, *c. formalis*, *c. efficiens*, *causa finalis*, – могут быть названы общими условиями всякого бытия, необходимыми элементами каждой вещи: из чего-нибудь, как-нибудь, силою чего-нибудь и для чего-нибудь все в природе произошло, в духе или в истории совершилось. Из этих четырех условий бытия только за третьим, за *causa efficiens*, “началом перемены”, каковым в природе является сила физическая и в истории – способность духа человеческого, нами сохранено наименование “причины”» [Аристотель 2006, 158]. Остается один шаг к «обратной» стороне силы и категории «причины» также, не возникновению, а уничтожению, не бытию, а небытию. Причем усечение этих смыслов происходит двойным движением, первым из которых является усечение по линии «онтологического» смещения при переводе аристотелевой теории возникновения, а второе касается самой категории силы, которая также вытесняется на периферию смыслового поля уже в более современных переводах.

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Аристотель 1981^a – *Аристотель*. Метафизика / Пер. с греч. А.В. Кубицкого // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981 [Aristotle *Metaphysica* (Russian Translation)].

Аристотель 1981^b – *Аристотель*. О небе / Пер. А.В. Лебедева // *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981 (Aristotle, *Peri ouranou* (Russian Translation)).

Аристотель 1981^b – *Аристотель*. Физика / Пер. В.П. Карпова // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981 (Aristotle, *Physike akroasis* (Russian Translation)).

Аристотель 2006 – *Аристотель*. Метафизика. Пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. Комм. В.В. Розанова. М.: Республика, 2006 (Aristotle, *Metaphysica* (Russian Translation)).

Аристотель 2018 – *Аристотель*. Метафизика. Пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018 (Aristotle, *Metaphysica* (Russian Translation)).

Розанов 2001 – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001 [Rozanov, Vasilij V., *Collected Works. Literary exiles: N.N. Strakhov. K.N. Leontyev* (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Борисов, Римский 2015 – *Борисов С.Н., Римский В.П.* Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // *Дискурсы власти*. Орел: Горизонт, 2015.

Марков 2018 – *Марков А.В.* Предисловие // Аристотель. Метафизика. Пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018.

References

Borisov, Sergey N., Rimskiy, Viktor P. (2015) ‘Philosophical understanding of violence: meanings and connotations’, *Discourses of power*, Gorizont, Orel (in Russian).

Markov, Aleksandr V. (2018) ‘Foreword’, *Metaphysics*, RYPOL classic, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

БОРИСОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского национального исследовательского университета

Author’s information

BORISOV Sergey Nikolaevich – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Theology of the Institute of Social Sciences and Mass Communications of the Belgorod National Research University.